

Глава 28. Храм Синчжи (19). Талантливые люди повсюду.

—

Когда Линь Цзыкуй произнёс эти слова, они оба поняли друг друга. Сяо Фу, хотя и не мог видеть его глаз, слышал его искренность.

Линь Цзыкуй всегда думал о том, как решить проблему, а не как уклониться от неё или нарушить обещание.

Если вторая госпожа говорит так, возможно, третий господин тоже осматривал её и нашёл у неё какое-то скрытое заболевание.

Возможно, в будущем это можно будет вылечить, а может быть, он возьмёт сироту и вырастит его как своего собственного ребёнка. Линь Цзыкуй мог принять и это.

Иногда Сяо Фу хотел рассказать ему правду, но это было то, что нельзя было объяснить в двух словах, и это было то, что нельзя было сразу принять.

Он будет рассказывать ему понемногу, шаг за шагом, пока Линь Цзыкуй не снизит свои требования до того, что неважно, кто он — мужчина или женщина, человек или демон.

В Линь Цзыкуе была самая простая черта учёного. Он ещё не вошёл в мир чиновников, не был испорчен. Он — чистый, неотшлифованный нефрит.

Сяо Фу хотел, чтобы он всегда оставался таким, даже если он станет чиновником.

Поэтому, когда Юаньцин упомянул, что император Вэньтай позволил премьер-министру Сюэ уйти в отставку, первой реакцией Сяо Фу было: «Он уехал из города? Он так молод, всего шестьдесят четыре года, какая отставка? Привезите премьер-министра Сюэ в храм Синчжи и скажите, что у меня есть важный вопрос, который я хочу с ним обсудить».

Линь Цзыкуй сейчас считал, что его путь к успеху закрыт, и что его будущее туманно. Ему нужна была поддержка.

Когда премьер-министр Сюэ покидал столицу, у него с собой были только цинь и седина, две скромные кареты, старый слуга, а в другой карете — его жена и пятнадцатилетняя внучка. Остальные члены семьи вернулись в родной город ещё месяц назад.

Теперь, сняв одежду чиновника первого ранга и премьер-министра, он выглядел не лучше, чем старик-пастух на обочине дороги.

Императорские стражники, посланные императором, ещё не догнали премьер-министра Сюэ, а Юаньцин уже перехватил его.

Старый слуга громко спросил: «Кто там впереди? Почему вы преградили нам путь?»

Премьер-министр Сюэ сидел в карете, читая книгу, на его носу были очки, которые он снова нашёл. Услышав это, он подумал, что они столкнулись с разбойниками, и откинул занавеску.

Его зрение было уже не таким хорошим, а лицо постарело. Он мог узнать людей только вблизи.

«Премьер-министр Сюэ, я — Чэнь Юаньцин, командующий, который охраняет границу».

«Генерал Чэнь?» — премьер-министр Сюэ узнал его. Он видел его много лет назад.

«Премьер-министр Сюэ ещё помнит меня», — Юаньцин рассмеялся. «Мой господин находится в храме Синчжи. Услышав, что премьер-министр Сюэ уходит в отставку, он специально пригласил вас выпить прощального вина».

«Твой господин», — очки сползли, и премьер-министр Сюэ поправил их. «Маркиз Динбэй Сяо Фу?»

«Именно маркиз Динбэй». Юаньцин сам повёл лошадь: «Я отвезу вас в храм Синчжи. Ваша супруга тоже может поехать с нами».

Премьер-министр Сюэ догадался, что это, вероятно, не просто прощальное вино. Этот Сяо Фу не приглашает людей выпить без причины. Что он задумал...

В храме Синчжи Линь Цзыкуй, не видевший даоса Линбо много дней, попросил Мо Лю отвести его в Зал Цинсинь. На этот раз он встретил даоса Цзэу.

Этот даос иногда приходил в Зал Цинсинь, и Линь Цзыкуй, который ходил туда каждый день, часто встречал его. Они играли в шахматы или обсуждали историю, и Линь Цзыкуй всегда многое узнавал.

Ему очень нравилось общаться с даосом Цзэу. На этот раз он не мог не вздохнуть: «Ваша пронцательность, даос, превосходит тех, кто ищет славы в правительстве. Но вы согласны жить в горах, жечь благовония и подметать пол. Раньше я не понимал, почему люди уединяются, но теперь я понимаю».

Цзэу поднял на него глаза: «Что случилось с тобой в Цзиньлине, что ты пришёл к такому выводу?»

Линь Цзыкуй не был человеком, склонным к жалости к самому себе, и не стал говорить, что он стал жертвой интриг и что экзамены были несправедливыми. Он только тихо вздохнул: «Мир полон грязи, но кто сможет её очистить?»

Пока Линь Цзыкуй разговаривал с даосом Цзэу, Цзинь Цзунь некоторое время сидел на дереве возле Зала Цинсинь. Охранник настоятеля Цзэу заметил его и прогнал.

Цзинь Цзуню пришлось вернуться в восточный гостевой зал. Он сел на стену и сказал Сяо Фу: «Господин, учёный разговаривает со старым даосом. Его охранник заметил меня и прогнал».

«Цзинь Цзунь», — Сяо Фу поднял руку, позвал его и дал ему конфету: «Старый даос больше всего не любит, когда его подслушивают. Так что, Цзинь Цзунь, смотри на учёного издали. Следи за его безопасностью. Не позволяй никому причинить ему вред».

Цзинь Цзунь взял конфету, сказал «о» и вернулся на дерево возле Зала Цинсинь.

Мастер рядом со старым даосом был очень силён. Он хотел сразиться с ним, но этот мастер, кажется, знал, что он человек маркиза Динбэя, и не стал с ним драться. Он просто прогнал его несколькими движениями.

Он был расстроен. Как обезьяна на дереве, он не отрываясь смотрел через окно на двух сидящих напротив. Одним был красивый, утончённый учёный с повязкой на глазах, а другим — старый, худой даос, который казался полуслепым.

В комнате восточного гостевого зала. Юаньшу сказал: «Господин, мы здесь так давно, но так и не встретили тайшан-императора*. Только господин Линь хорошо с ним общается. Может... пусть господин Линь спросит его? Возможно, он сможет узнать, где находится тигриная печать...»

[*[[[tàishànghuáng - отец императора, титул императора, передавшего престол сыну при жизни.]

Сяо Фу бросил на него взгляд, и Юаньшу тут же замолчал: «Я допустил ошибку в своих словах».

Сяо Фу: «Старый даос любит Цзыкуя, потому что тот умён, он талантлив, и они друзья, несмотря на разницу в возрасте. Это не интрига. Такие отношения должны быть чистыми. Нельзя его использовать».

«Да, господин, я понял...» — Юаньшу вздохнул. Маркиз любит господина Линя так долго, и он до сих пор не устал от него.

«Завтра Новый год. Пожертвуйте даосскому храму немного благовоний, дайте немного милостыни настоятелям, а сегодня вечером приготовьте побольше еды, чтобы вместе поужинать».

Юаньшу ответил «да», и Сяо Фу снова спросил его: «Почему ты так долго расследовал дело об экзаменах?»

Юаньшу ответил: «Я сначала пошёл в Министерство обрядов и в префектуру Шуньтянь, чтобы расследовать дело. Я узнал, что три года назад пропало много студентов, но префектура Шуньтянь отложила все дела. Тогда одноклассника господина Линя арестовали в префектуре Шуньтянь, и он умер в тюрьме. Партия Сюй хотела завербовать господина Линя, но он не согласился и собирался подать жалобу императору... Поэтому его глаза были повреждены, он провалил экзамены и с горечью вернулся в родной город. Я съездил в резиденцию Тан Мэнъяна и нашёл там несколько писем. В письмах тоже упоминались эти дела. Большинство писем были отправлены господином Линем. За эти три года их было около семидесяти или восьмидесяти. Чтобы собрать полный комплект писем, я съездил в уезд Фэнтай, префектура Хуайнань».

Сяо Фу: «Не нужны доказательства против Сюй Чжоцзюня. Он уже в тюрьме, и через несколько дней умрёт». Сказав это, он протянул руку: «Где письма, дай мне посмотреть».

Одна стопка была от Тан Мэнъяна, другая — от Линь Цзыкуя.

Сяо Фу нахмурился: «Так много».

«Да. Они много переписывались. Я... прочитал их все. Большую часть времени Тан Мэнъян писал о ситуации в столице, используя метафоры, и просил господина Линя дать ему совет. За эти три года господин Линь, можно сказать, очень помог Тан Мэнъяну в продвижении по службе».

Сяо Фу опустил голову и начал листать письма: «Этот Тан Мэнъян — настоящий подхалим. Так называемый чиновник должен угадывать мысли императора и действовать по ситуации. А он полагался на советы подростка. Какое ничтожество».

Пролистав письма Линь Цзыкуя, он узнал его почерк. В письмах не было ничего особенного,

просто советы и вопросы о здоровье.

Письма Тан Мэнъяна были гораздо интереснее. Он рассказывал о своих повышениях, о переезде и просил Линь Цзыкуя стать его помощником.

В последнем письме Линь Цзыкуй упомянул, что хочет приехать в столицу для сдачи экзаменов.

Из этих писем было видно, что Тан Мэнъян не был совсем бездарным. Он, очевидно, был хорошо осведомлён о ситуации в столице и умел интриговать.

Но Сяо Фу, пролистав письма, цокнул языком: «Этот Тан Мэнъян...»

Юанью думал, что маркиз скажет что-то пронизательное, ведь он так долго их читал.

Но Сяо Фу сказал: «Он действительно извращенец».

Вскоре Юаньцин привёз премьер-министра Сюэ в храм Синчжи.

«Господин, это жена премьер-министра и его внука».

Сяо Фу вышел из восточного гостевого зала и рассмеялся: «Премьер-министр Сюэ, пожалуйста, присаживайтесь, я приготовил чай».

«Маркиз шутит, я уже ушёл в отставку, какой я премьер-министр». Премьер-министр Сюэ махнул рукой, сел и отпил чаю. «Генерал Чэнь сказал, что маркиз позвал меня, чтобы выпить прощального вина? Но я уже стар, так что прощального чая будет достаточно».

Жена премьер-министра Сюэ, его внука и старый слуга сидели снаружи и не заходили.

Премьер-министр Сюэ уже сказал женщинам: «Этот маркиз Сяо не из простых. Не общайтесь с ним. Не говорите ни слова».

Сяо Фу не любил пустую болтовню.

Когда премьер-министр Сюэ допил чай, он спросил: «Наверное, маркиз позвал меня не просто выпить чаю?»

Сяо Фу честно ответил: «У меня есть дорогой молодой человек, который сдал экзамены на цзеюаня в префектуре Хуайнань».

Прежде чем премьер-министр Сюэ успел обдумать, что значит «дорогой молодой человек», он услышал следующее, что полностью привлекло его внимание.

«О? Цзеюань?»

Говорят, цзеюань — золото, а цзиньши — серебро. Тот, кто сдал экзамены на цзеюаня, определённо был не простым человеком.

«Когда он сдал экзамены на цзеюаня, ему было всего четырнадцать».

«Я... кажется, что-то слышал об этом». Четырнадцатилетний цзеюань — это был редкий гений. Три года назад премьер-министр Сюэ уже слышал об этом.

Позже он услышал, что у него серьёзная болезнь глаз, и он провалил экзамены, вернувшись в родной город, не оставшись учиться в академии Интянь.

Он не ожидал услышать об этом от Сяо Фу.

Сяо Фу кивнул: «Этого цзеюаня зовут Линь. Недавно он приехал в столицу для сдачи экзаменов, но партия Сюй повредила ему глаза. Он потерял надежду и не хочет больше продолжать государственную карьеру. Поэтому я хотел бы попросить господина Сюэ помочь ему».

«Повредила партия Сюй?» — премьер-министр Сюэ вздохнул. «Четырнадцатилетний цзеюань — это большая редкость. И маркиз заступается за него. Должно быть, это великий талант».

«Да, этот учёный Линь талантлив, знает прошлое и настоящее, много читал и очень скромн...» — Сяо Фу использовал по крайней мере десять слов, чтобы похвалить его.

Премьер-министр Сюэ был удивлён.

Много лет назад он видел этого маркиза Динбэя.

В те времена герцог Чанго отправил своего второго сына к нему на обучение и умолял: «Мой сын упрям и не хочет учиться. Я думаю, что только вы, премьер-министр Сюэ, можете его исправить».

Премьер-министр Сюэ тут же сказал, что не может его исправить.

Он попросил Сяо Фу написать что-нибудь. Тот написал, и лицо премьер-министра Сюэ позеленело: «Сяо Фу! Тебе уже больше десяти лет, а твой почерк похож на почерк пятилетнего ребёнка!»

Он попросил его сочинить стихи. Тот сочинил легкомысленное стихотворение.

Рисовать он не умел.

Играть на цине не умел.

Играть в шахматы он немного умел, но не очень хорошо.

Он любил висеть на дереве вверх ногами и тренироваться, бросая листья.

Иногда он дул в бамбуковые листья, и это звучало ужасно.

У него было красивое лицо, которое привлекало служанок в особняке премьер-министра, которые каждый день приходили посмотреть на него.

Через полмесяца премьер-министр Сюэ вернул его: «Герцог, я не могу учить вашего сына».

И теперь он может использовать столько слов, чтобы похвалить учёного?

Что это за святой?

Услышав это, премьер-министр Сюэ должен был его увидеть. Сяо Фу также сказал: «Если вы останетесь и станете его учителем, в будущем учёный Линь, несомненно, станет столпом страны».

«Я не могу допустить, чтобы такой талант пропал! Я пойду и посмотрю на этого человека, а насчёт того, стану ли я его учителем...» — премьер-министр Сюэ встал. «Я пойду посмотрю».

«Он в Зале Цинсинь. Я отведу господина Сюэ туда. Перед ним, пожалуйста, не называйте меня по имени. Называй меня просто господин Сяо».

Когда Сяо Фу повёл премьер-министра Сюэ в Зал Цинсинь, их, конечно, остановил личный охранник даоса Цзэу. Сяо Фу представил: «Это нынешний премьер-министр Сюэ Цзяньчжи, который ушёл в отставку. Пойди и доложи ему».

Охранник внимательно посмотрел на премьер-министра Сюэ и полетел в Зал Цинсинь.

Премьер-министр Сюэ поднял голову. Его очки отражали радугу: «Там что, какой-то важный человек?»

«Вы узнаете, когда увидите, господин Сюэ. Это ваш старый знакомый. Но он ушёл из мира и принял имя Цзэу. Господин Сюэ, не раскрывай его личность».

«Сяо Фу, что за загадки ты мне загадываешь?»

Сяо Фу сказал: «Господин Сюэ, вы забыли? Вы должны называть меня господин Сяо».

Охранник редко появлялся, но сейчас он появился и что-то прошептал на ухо даосу Цзэу.

Линь Цзыкуй не видел этого, но Мо Лю видел и был немного любопытен.

Даос Цзэу сидел на коврике для медитации, сложив руки. Через некоторое время он кивнул: «Пусть он поднимется. Ты знаешь правила».

Старый голос обратился к Линь Цзыкую: «Господин Линь, к даосу пришёл старый знакомый. Это настоящий мудрец. Ты хочешь его увидеть?»

Линь Цзыкуй выпрямился и поправил рукава: «Конечно, хочу. Спасибо, даос Цзэу, за то, что представили меня».

Когда охранник вёл премьер-министра Сюэ наверх, он холодно напомнил: «Даос Цзэу отрёкся от мира, смысл своё прошлое и обратился в буддизм. Вы можете называть его только даосом».

«Кто же это?» — премьер-министр Сюэ чувствовал какое-то неизвестное волнение, но когда он открыл дверь и в пыльном свете увидел старого, простого, одетого в серую даосскую одежду человека, который повернулся к нему, он не мог сдержать своего шока, удовлетворения и радости.

Спустя много лет император и министр встретились, и никто не ожидал, что это произойдёт при таких обстоятельствах.

Премьер-министр Сюэ с грохотом опустился на колени. Он открыл рот: «Старый министр...»

«Эй, Лао* Сюэ, твои ноги слишком слабы». Сяо Фу поднял его. Премьер-министр Сюэ был так взволнован, что у него потекли слёзы: «Даос Цзэу!»

[*], lǎo в китайском языке имеет значение не только «старый», но и «уважаемый», «почтенный». В сочетании с фамилией или должностью используется для выражения уважения и дружелюбия при обращении к человеку.]

Цзэу добродушно кивнул: «Господин Сюэ, как ты?»

«Хорошо, хорошо. Могу ли я спросить, даос...»

«Я тоже в порядке».

Линь Цзыкуй услышал голос Сяо Фу и сначала встал, чтобы поклониться этому старому господину. Хотя он не знал, кто это, он был очень вежлив.

Затем он тихо спросил: «Вторая госпожа тоже пришла?»

Сяо Фу сказал «хм». К счастью, премьер-министр Сюэ был немного глуховат и полностью сосредоточился на Цзэу, поэтому он ничего не услышал.

Сяо Фу подошёл к нему и встал рядом с Линь Цзыкуем: «Я же говорил, что представлю тебе учителя».

«Даос Цзэу хотел представить мне... а, это один и тот же человек?»

«Так совпало, что это один и тот же человек. Его фамилия Сюэ, ты можешь называть его старейшина Сюэ. Я буду спокоен только тогда, когда он станет твоим учителем».

Линь Цзыкуй и не думал, что это премьер-министр Сюэ. Он был просто удивлён. Он подумал, что это, должно быть, какой-то знатный человек, раз Чжаолин так говорит.

Он снова поклонился и сказал: «Я Линь Цзыкуй, и я выражаю свое почтение старейшине Сюэ».

«Так ты Линь Цзыкуй?» — старик Сюэ немного обратил на него внимание. «Цзеюань из префектуры Хуайнань, такой талантливый и утончённый. Хм, хм».

Он был явно доволен. Когда он только вошёл и увидел этого цзеюаня, разговаривающего с Цзэу, Лао Сюэ подумал, что он, должно быть, необычный человек, если его так ценят и тайшан-император, и маркиз Динбэй.

Но сейчас он был занят. Сяо Фу знал, что премьер-министр Сюэ и Цзэу должны поговорить наедине, и не торопился с ученичеством. Он вывел Линь Цзыкуя из Зала Цинсинь, и Мо Лю последовал за ними.

Сяо Фу отмахнулся от него: «Как хвост, я рядом с твоим господином. Отойди подальше».

«О...»

Господин хочет поворковать со своей возлюбленной, и Мо Лю был достаточно тактичным.

Он стоял на втором этаже библиотеки и смотрел, как вторая госпожа, держа за руку его господина, спускается по лестнице.

Она делала это очень осторожно, боясь, что он, не видя ничего, может упасть.

Мо Лю каждый день вздыхал, говоря про себя: рост и фигура второй госпожи, эти широкие плечи и спина, если не смотреть на её лицо, она так похожа на мужчину. Очень, очень похожа.

Может быть, это действительно мужчина...

Линь Цзыкуй медленно спускался по лестнице, ведомый Сяо Фу, и спросил: «Этот старейшина Сюэ, он великий учёный?»

Сяо Фу: «Да. Его зовут Сюэ Цзяньчжи».

«Что?!» — Линь Цзыкуй поскользнулся и чуть не упал. Сяо Фу быстро схватил его, крепко обнял и с усмешкой вздохнул: «Я так и знал, что ты такой неуклюжий».

«Он... он действительно Сюэ Цзяньчжи, премьер-министр Сюэ?» — Линь Цзыкуй был в шоке.

Имя премьер-министра Сюэ было известно всем учёным.

Сяо Фу: «Нет, это обман».

Линь Цзыкуй: «О, ты специально напугал меня, поэтому я и упал».

Сяо Фу сменил тему: «Я пошутил. Это правда. Это действительно премьер-министр Сюэ. Если не веришь, можешь подняться и спросить его».

Линь Цзыкуй чуть не упал снова. Он был в объятиях Сяо Фу, и слышал его тихий смех. Линь Цзыкуй немного недовольно поднял голову: «Так правда или нет? Не обманывай меня».

Линь Цзыкуй ничего не видел и не знал, что он поднял голову под таким углом, что Сяо Фу мог легко его поцеловать.

Глаза Сяо Фу пристально смотрели на него: «Правда. Я не обманываю тебя. Если не веришь, пойдёшь и спроси его».

На этот раз Линь Цзыкуй поверил ему на семь-восемь частей. Он был так удивлён, что не мог говорить. Когда он собирался опустить голову и продолжить спускаться по лестнице, чтобы успокоиться, Сяо Фу быстро опустил голову и прижался губами к губам Линь Цзыкуя. Он осторожно посасывал их, издавая лёгкий звук поцелуй, и тут же отстранился.

Линь Цзыкуй замер.

Он ничего не видел...

Но он смутно догадывался, что произошло. Лицо Линь Цзыкуя мгновенно покраснело, от шеи до кончиков ушей.

Он выпустил руку Сяо Фу и вдруг опустился на корточки.

Сяо Фу наклонился, чтобы посмотреть на него: «Почему ты сидишь на корточках?»

Он покачал головой. Его лицо было красным, и он тихо объяснил: «Я не буду спускаться. Госпожа Чжаолин, мы ещё не женаты, нельзя так делать. Это не по правилам».

В глазах Сяо Фу вспыхнула улыбка: «Но что же делать? Вчера ты сам меня поцеловал. Я всю жизнь прожил и никого не целовал».

«Вчера... это другое. Мы были в потайном отсеке кареты. Там было так тесно и опасно, это... это было неизбежно...» Линь Цзыкуй подумал: это я её поцеловал? Он не мог обвинить в этом Чжаолин. Ладно, он признает это.

«Карета всё ещё стоит за храмом», — Сяо Фу взял его за руку. «Этот старик Сюэ очень разговорчив, они будут говорить ещё долго. Если ты не хочешь идти, может, я отнесу тебя в карету?»»

—

<http://bllate.org/book/14420/1274673>